

Л. Г. ТИТАРЕНКО

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НА СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ РЫНКЕ ТРУДА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с изменениями в ценностных ориентациях на труд белорусского населения. Сначала дается общая характеристика современной Беларуси по параметрам, имеющим отношение к сфере труда. Затем автором определяются доминирующие парадигмы, в рамках которых в литературе рассматривается постсоветское развитие, включая перемены в сфере труда. Далее на основе эмпирической информации европейского и мирового исследований ценностей раскрываются базовые ценностные ориентации белорусского населения в сравнении с аналогичными российскими ориентациями. Наконец, на базе эмпирического исследования автор подробно характеризует современные профессиональные стратегии выхода на рынок труда выпускников белорусских вузов как наиболее перспективной группы молодежи, вливающейся в рынок труда и в значительной мере способной определять качество белорусского рынка труда в ближайшем будущем.

Ключевые слова: ценностные ориентации, рынок труда, профессиональные стратегии, выпускники вузов, Беларусь, Россия, европейские исследования ценностей.

Введение

Сегодня социология труда развивается в рамках ряда парадигм, различающихся как общим концептуальным подходом к объяснению либо интерпретации социальных процессов и явлений, так и перспективным видением тех направлений и тенденций, которые будут определять будущее сферы труда. В постсоветской социологии России и Беларуси имеются различия в доминирующих подходах к определению места труда в современном обществе, перспектив его развития в конкретном обществе, использовании разных эмпирических показателей для замеров изменений, имеющих место в сфере труда.

Тематика труда, находившаяся в центре внимания советских ученых-социологов (Человек... 1967; Чангли 2010), была отодвинута на периферию научных исследований в последние десятилетия в обеих странах, хотя в Беларуси несколько меньше, чем в России: социология труда сохранила свое место в числе вузовских дисциплин, исследования в этой сфере проводились на национальном уровне, хотя и значительно реже, чем раньше (Социальные... 1998; Куропятник 2002;

Социальные... 2008). Вместе с тем, поскольку труд сохраняет важность и в нынешней системе общественных отношений, трудовая тематика должна занимать достойное место в современных социологических исследованиях.

Новая ступень развития постсоветского общества естественным образом изменила и сферу труда: в ней появились новые формы трудовых отношений, новые проблемы и противоречия. Исследование труда и занятости помогает глубже понять общество и происходящие в нем перемены. Например, изменения в занятости могут свидетельствовать о переменах не только в нормативной системе оплаты труда, но и в системе ценностей населения, их смысложизненных ориентациях. Поскольку изменения в трудовых ориентациях складываются уже в процессе социализации личности, особый интерес представляет исследование отношения к труду, его различным характеристикам у молодежи, которая только вступает в рынок труда.

В условиях затяжного финансово-экономического кризиса, начавшегося в мире в 2008 году и не миновавшего ни Беларусь, ни Россию, но сильнее ударившего более слабые в экономическом отношении страны (в нашем случае — Беларусь), важно рассмотреть, как возможности сопротивления последствиям кризиса (безработице, снижению доходов) используются молодыми людьми, выходящими на рынок труда в нынешних неблагоприятных экономических условиях. Насколько эффективны среди них мобилизационные стратегии? Наконец, какой потенциал существующие стратегии выхода на рынок труда молодых специалистов имеют для трансформации всей системы социально-экономических отношений? Напомним, что в Беларуси до сих пор преобладает государственная форма собственности, поэтому большинство занятых — государственные наемные работники.

Особо отметим, что в поле зрения исследователей должны входить как традиционные типы работников (рабочие, служащие), так и те группы, которые только вливаются в рынок труда — прежде всего, студенты-выпускники и старшекласники (для последних актуально изучать не только мотивы и стимулы выхода на рынок труда, но и на рынок образования).

Какое место занимают молодые люди, вступая на рынок труда? Учитывая специфику Беларуси (сохранение многих прежних черт системы перераспределения материальных благ, государственную ориентацию на социальную поддержку бедных слоев населения, относительно низкий коэффициент Джини и др.), следует признать, что

уровень жизни белорусов далек от того, на который ориентирована молодежь, социализированная постсоветскими средствами массовой информации скорее как потребитель, нежели производитель товаров и услуг.

В какой мере рыночные (в том числе потребительские) ориентации в сфере труда закрепились в белорусском обществе? Как они соотносятся с фиксируемой социологами преимущественно позитивной ориентацией занятого населения на труд как важную жизненную ценность?

В одной статье невозможно дать ответы на все эти вопросы. Постараемся хотя бы поставить проблемы, связанные с изменениями в трудовых ориентациях белорусского населения. Для этого дадим сначала самую общую характеристику современной Беларуси по параметрам, имеющим отношение к сфере труда; определим доминирующие парадигмы, в рамках которых рассматривается постсоветское развитие (включая сферу труда); осветим базовые ценностные ориентации белорусского населения в рамках этих парадигм (включая трудовые); а затем подробнее остановимся на профессиональных стратегиях выхода на рынок труда вузовских выпускников как наиболее перспективной группы молодежи, вливающейся в рынок труда и в определенной мере качественно определяющей его (белорусского рынка труда) будущее.

Современная Республика Беларусь: социальные достижения и экономические противоречия

Республика Беларусь — государство, возможно более других постсоветских республик сохранившее ценности и ориентации своего прошлого. Это касается в значительной мере и сферы труда.

По своим размерам Беларусь несравнимо меньше России и Украины. Численность населения Республики Беларусь на 1 января 2014 года, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, составила 9468,1 тыс. чел.¹

Численность экономически активного населения в 2013 году составила около 4540 тыс. чел., а численность занятых — 4517 тыс. чел.²

Существенная характеристика нынешнего социально-экономического развития Республики Беларусь — практическое отсутствие

¹ <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/demographics.php>

² <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/regions/12.php>

(по крайней мере, официально фиксируемое) безработицы среди трудоспособного населения. В нынешнем веке только в 2003 году безработица фиксировалась на уровне 3%, тогда как в 2006–2007 годах она была на уровне 1%, после чего стала снижаться далее. В 2013 году безработица фиксировалась на уровне 0,5%³.

В то же время негосударственные источники утверждают, что уровень безработицы выше и может составлять до 5% трудоспособного населения. Однако в официальной статистике такая оценка не отражена.

В целом по количественным показателям Беларусь выглядит противоречиво среди других стран постсоветского региона. С одной стороны, по сравнению с Россией, Республика Беларусь достигла более высоких показателей по индексу развития человеческого потенциала. Так, в 2013 году Беларусь заняла 50 место из более чем 185 стран мира по этому показателю. Это высокое место было обеспечено такими показателями, как образование и ожидаемая продолжительность жизни населения.

Так, за постсоветский период в Беларуси достигнут более высокий, чем ранее, уровень образования занятого населения. По данным переписи 2009 года, более 25% занятых имели высшее образование, около 40% населения — среднее специальное, 12% — профессионально-техническое и более 21% — среднее образование⁴.

Доля лиц с высшим образованием достигла 25% среди взрослого населения Республики Беларусь, а на 10 тыс. чел. населения — 450 чел.⁵

Что касается ожидаемой продолжительности жизни населения страны, в 2013 году она превысила 72 года (выше, чем в России)⁶. Хотя в этой сфере острейшей проблемой остается разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин, превышающая 10 лет.

С другой стороны, и это очень важно при анализе проблем труда, Беларусь уступает России и ряду других постсоветских стран по показателям среднего дохода на душу населения. Так, годовой доход на душу населения в Беларуси (в пересчете по покупательной способности населения), по белорусским данным, составил в 2013 году 13385 долл. (61-е место из 187 стран мира). Если за основу анализа взять месячный доход, то картина выглядит следующим образом.

³ <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/regions/11.php>

⁴ http://www.belstat.gov.by/bgd/public_compilation/

⁵ http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/international_day.php

⁶ <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/regions/1.php>

В 2013 году доходы белорусов были значительно меньше, чем доходы россиян (573 долл. в Беларуси против 942 долл. в России)⁷, а сама Беларусь была названа в том же 2013 году швейцарским банком Credit Suisse в числе беднейших наций Европы⁸. Такие доходы устраивают далеко не всех жителей Беларуси, особенно среди молодого поколения занятых, и заставляют многих искать дополнительные источники доходов, менять место жительства и т.д. Большинство молодых людей хотели бы быть занятыми в частном секторе, чтобы иметь возможность получать больше денег, однако до настоящего времени в Беларуси преобладает государственная форма занятости. Последнее повышает гарантии трудоустройства и защиту права на труд, но существенно ограничивает возможности роста доходов и карьерного продвижения, что важно для части представителей молодого поколения.

Таким образом, социально-экономическая ситуация современной Беларуси создает условия, в которых вполне объективно появляются и сохраняются различия в мотивации труда, ориентаций в сфере труда, формируются другие трудовые стратегии.

Исследовательские парадигмы

Одна из задач данной статьи — постановка проблемы социологического осмысления процессов в сфере труда, одновременно соотнося их и как со страновыми особенностями, так и с концептуальной рамкой, задающей теоретическую модель понимания и объяснения происходящим изменениям. Выбранный нами подход, на наш взгляд, позволяет рассматривать имеющие место изменения в сфере труда в постсоветском регионе как постоянно идущий процесс, развивающийся не по единому predetermined сценарию, а имеющий разные варианты своего развертывания — варианты, конструируемые деятельностью людей как субъектов социального развития. Необходимо помнить, что сегодня социологи имеют дело не со стабильным обществом как объектом исследования (в отличие от стабильности советского общества или модели современного капитализма, представленной в модернизационной теории Парсонса). Постсоветское общество находится в постоянном движении и изменении, является примером

⁷ <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/economics/17266453/?frommail> (date of access 17.03.2014).

⁸ <http://finance.tut.by/news369953.html> (date of access 10.10.2013).

так называемого «общества риска» (Бек 2000; Яницкий 1998), причем создаваемая этими изменениями реальность не гомогенна: каждая страна не только создает свою картину социальной реальности, конструируя ее по собственным калькам, но и дает им определенную интерпретацию — ту, которая выгодна доминирующим элитам или широко поддерживается современными теоретиками. Поэтому сходные изменения могут совершенно по-разному трактоваться в каждой из постсоветских стран — как показатели позитивных сдвигов, как аномия либо как «случайные отклонения». Что будет с этими множественными сконструированными реальностями, какую роль будет играть в них труд — остается открытым вопросом.

В 1990-х годах, когда Россия, Беларусь и другие постсоветские страны постепенно включились в ряд важных международных (глобальных) исследований социальных проблем и явлений, были приняты (открыто либо по умолчанию) некоторые общесоциологические теории трансформации социализма, а также собран эмпирический материал в рамках этих подходов, позволяющий: 1) включить эти страны в сравнительные исследования с другими странами (и регионами) мира; 2) наметить общие пути и проблемы постсоветской трансформации стран и тенденции изменения труда как системообразующего процесса индустриального общества (каким прежде всего и было советское общество), и тем самым 3) дать критерий оценки идущим в постсоветских странах на национальном уровне процессам изменения сферы труда с точки зрения преобладающих в ней ценностей и возможности будущей интеграции той или иной постсоветской страны в Евросоюз как более развитое (постиндустриальное, информационное) общество (Куда идет Россия... 1995; Лапин 1998).

Здесь мы, прежде всего, имеем в виду теорию постматериалистической трансформации ценностей Р. Инглхарта, согласно которой переход общества от индустриальной к постиндустриальной стадии развития сопровождается двумя процессами изменения ценностей: переходом от ценностей материализма к ценностям постматериализма, с одной стороны, и от коллективистских (традиционных) ценностей к рациональным ценностям (индивидуализму) — с другой (Inglehart 1997). По мнению автора, данные сдвиги зримо проявляются в изменении важности базовых жизненных ценностей, рефлексирующих принятые в нем за основу ориентации общественного развития: роль трудовой сферы уменьшается, а роль и значимость сфер потребления и досуга возрастает, ибо она позволяет личности реализовать

себя в них (Inglehart 1997: 104). Ведущие западные (постиндустриальные) страны, по Инглхарту, уже пережили данную трансформацию: там труд перестал быть жизненной необходимостью и важной сферой самореализации (эти функции перешли к досугу). Постсоветские страны, пережившие крах коллективистских ценностей индустриализма, также «обречены» на подобные изменения, если они ориентированы на вторую, современную ступень модернизации: она связана именно с ростом ценностей индивидуализма (Inglehart, Welzel 2005).

В разных модификациях эта теория укоренилась в социологии постсоветских стран, участвующих в международных исследованиях (Обзорный доклад о модернизации... 2011; Россияне... 2012; Титаренко 2004; Ценностный мир... 2009).

Принятие данной теории означает молчаливое признание того, что постсоветская трансформация положила конец холодной войне между двумя мировыми системами, результатом которой является признание «по умолчанию» капитуляции социализма и его ценностей. На уровне массового сознания этот факт породил у населения желание перенять ценности потребительского общества. В среде теоретиков он привел к отказу от прежней парадигмы и поиску новых ориентиров общественного развития, связанных с моделью, так или иначе являющейся противоположной социализму. Политические элиты незамедлительно стали конкурировать между собой, склоняя общество (в зависимости от своих интересов) к выбору того либо иного пути дальнейшего развития.

В реальной действительности перемены были неоднозначны и разнонаправлены (что явно проявилось сегодня в Украине, но имеет место и в других постсоветских странах). Социальные изменения никогда не осуществляются линейно, следуя единой доминирующей линии развития — тенденции прослеживаются лишь на большом исследовательском материале и за достаточно длительный период времени.

Оценка значимости ценности труда в постсоветских обществах

В 1990-е годы в постсоветских странах отмечался резкий взлет ценностей материализма, связанных с необходимостью экономического выживания людей в новых условиях. Этот всплеск был зафиксирован в исследованиях, проведенных в 1990-е годы в рамках Европейского исследования ценностей Инглхартом и его единомышленниками по всему миру (www.europeanvaluesstudy.eu; www.wvsevdb.com). По мере дальнейшего исторического развития в постсоветских

странах произошли иные ценностные перемены, которые были зафиксированы в «исследовательской волне» 2008 года. Ниже мы покажем, насколько адекватным может быть теоретическая интерпретация произошедших на постсоветском пространстве перемен в сфере труда в рамках теории Инглхарта и других модернизационных теориях, актуализировавшихся на постсоветском пространстве.

Что касается России, то, начиная с момента Послания тогдашнего президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2009 году, страна открыто провозгласила теорию модернизации общества как основную для осмысления и направления собственного развития (Проблемы... 2011; и др.). Таким образом, к ней в особенности применимы критерии теории Инглхарта, а также вариации теорий модернизации, предложенные Н.И. Лапиным, Т.И. Заславской и другими авторами (Заславская, Ядов 2008; Лапин 2011; Россияне... 2012). В Беларуси и Украине модернизационные критерии также стали популярны. Вышесказанное позволяет считать, что в теоретическом плане сегодня постсоветское пространство характеризуется значительным влиянием теорий модернизации.

В эмпирическом плане представляет интерес сравнение опросных данных по указанным трем странам, полученных в нескольких волнах проектов Европейского и Мирового исследования ценностей.

Поскольку ни одна постсоветская республика пока не достигла экономического уровня, позволяющего причислить ее к информационному обществу, уместно будет проследить изменения, начиная с труда как базовой сферы индустриального общества, и сравнить по параметрам его изменения указанные три страны. Наша гипотеза состоит в том, что достигнутый этими тремя странами экономический уровень и современные ценности, преобладающие в трудовой сфере, свидетельствуют о сохранении сходства в постсоветской трансформации ценностей труда данных стран, несмотря на проявление ими фиксируемых учеными «расходящихся траекторий» (Кущенко 2006). На наш взгляд, эти расхождения характерны для политической сферы, но не для сферы экономики и сферы труда.

Прежде всего, рассмотрим, какое место занимает труд в жизни человека, насколько значимым и важным он признается. В трех странах на первом месте в сфере труда оказалась материальная (инструментальная по функциональному критерию) ценность зарплаты, денег. Для середины 1990-х, когда проводилась вторая волна Европейского исследования ценностей (EVS), в которой впервые участвовали постсоветские страны, такая ситуация была легко понимаемой и объясни-

мой: старые социалистические ценности рухнули, стабильная работа канула в лету, зарплата резко упала у большинства работников. Тем не менее работа сохранила в иерархии ценностей второе место. Страновые различия были невелики. Конкретно, выше всего труд ценится в Беларуси, и здесь же было наименьшее стандартное отклонение показателей от средней позиции. Чуть ниже важность труда оценили в Украине и еще меньше — в России. С точки зрения теории Инглхарта, это можно трактовать как преобладание традиционных материалистических ценностей труда, типичных для индустриального общества. При этом везде труд заметно уступал в признании его жизненной значимости доминирующей ценности — семье: на порядок меньше респондентов признавали работу «очень важной» жизненной ценностью, тогда как семью признавали таковой более трех четвертей опрошенных. Ни о каком новом модернизационном сдвиге в постсоветских обществах не было и речи; скорее, можно было констатировать упадок ценности труда, коллективизма при росте сугубо материалистических ориентаций в труде и жизни в целом.

Следующая сравнительная волна исследования проводилась в 2008 году. За это время Россия и Беларусь существенно стабилизировались в социально-политическом отношении, в обеих странах президенты пользовались высокой степенью доверия населения, тогда как Украина сохранила ценностный разрыв как между массами и элитами, так и внутри политических элит. Рассмотрим, в каком направлении шло изменение ценностей труда в каждой стране и как эти изменения можно трактовать по теории Инглхарта (табл. 1).

Таблица 1

Насколько важна работа в Вашей жизни? %

Страна	Очень важна	Достаточно важна	Не очень важна	Совсем не важна
Беларусь	53	36	6	6
Россия	52	30	11	7
Украина	58	24	8	10

Источник: European Values Study 2008 (взвешенная выборка).

Как видно из таблицы 1, важность труда стала несколько выше оцениваться в Украине, чем в Беларуси и России, хотя по-прежнему материалистические ценности, преобладавшие в индустриальном советском

обществе, доминировали во всех трех странах (так как более половины респондентов продолжало считать труд очень важным для себя). Вместе с тем конкретные цифры не следует абсолютизировать, так как они фиксируют моментный срез ценностей. Так, в Мировом исследовании ценностей (WVS, 2006) те же страны показали несколько иные результаты: ценность труда в Украине оказалась ниже, чем в России⁹.

Важно отметить, что же именно ценилось в трудовой сфере респондентами в конце первого десятилетия текущего века — инструментальные или витальные аспекты труда. Судя по данным, практически везде главной ценностью труда являлось для респондентов денежное вознаграждение, то есть экономическая сторона труда, а не возможности трудовой самореализации¹⁰.

Постматериалистические ценности самовыражения в труде оценивались ниже, хотя интересный труд уже оценивали высоко существенно больше респондентов, чем в середине «лихих 1990-х». Ниже других характеристик труда оценивались такие, как «возможность проявить инициативу в труде», «ответственный труд».

Важно также отметить, что лишь около четверти опрошенных признавали труд общественным долгом каждого человека и лишь от 20 до 30% соглашались с тем, что получать деньги, вообще не работая, является унижительным для человеческого достоинства (Muradyan, Shirokanova, Matosyan 2012). Эти данные можно трактовать как дальнейший отказ от коллективистских социалистических трудовых ориентаций.

В рамках теории Инглхарта существенным показателем постматериализма служит высокая удовлетворенность трудом, а также степень свободы работника в принятии решений в данной сфере. Если оба показателя высокие, можно констатировать рост витальной ценности труда и рост степени свободы личности, если низкие — инструментализацию

⁹ См. www.wvsevsdb.com

¹⁰ Вряд ли ситуация сильно изменилась в этих странах сегодня. Так, например, в Беларуси достигнутый уровень жизни не позволяет большинству населения отказаться от материальных приоритетов в оценке своего труда и жизненных ориентаций. По многолетним данным мониторинга, проводимого Институтом социологии НАНБ, озвученным в феврале 2013 года, рост цен был признан самой важной жизненной проблемой более чем 60% респондентов. Эта проблема сохраняла доминирующие позиции, по данным мониторингов, начиная с 2002 года, менялся лишь процент респондентов, отмечавших эту проблему. Неудовлетворенность населения материальным уровнем его жизни стала одним из важных показателей общественного мнения о социально-экономической сфере современной постсоветской Беларуси, несмотря на то что страна сохраняет прежнюю социально ориентированную экономическую модель.

труда, что характерно для индустриализма. Заметим, что прежние исследования показали непрямую зависимость удовлетворенности трудом от материальных факторов: мировая тенденция состоит в том, что социальный капитал, связанный с вовлечением в трудовую сферу, оценивается как более значимый фактор, чем материальное вознаграждение.

Если проранжировать результаты выборов важности разных сторон трудовой деятельности, сделанные респондентами трех стран в 2008 году (табл. 2), то получится следующая картина (для замеров изменений использовалась шкала из 10 позиций, где 1 — минимум качества, а 10 — максимум).

Таблица 2

Удовлетворенность работой и свобода принимать решения на работе

Страна	Беларусь		Россия		Украина		Всего	
	Средн.	Ст. откл.	Средн.	Ст. откл.	Средн.	Ст. откл.	Средн.	Ст. откл.
Удовлетворенность	6,5	2,1	7,0	2,4	7,0	2,2	6,9	2,2
Свобода решений	5,8	2,3	6,2	2,8	6,4	2,7	6,1	2,6

Источник: European Values Study 2008, взвешенная выборка.

Как видно из таблицы 2, удовлетворенность работой в России и Украине находилась практически на одинаковом уровне, хотя в Украине показатели удовлетворенности могут отклоняться от среднего значения чуть меньше, чем в России. В Беларуси удовлетворенность трудом была ниже, чем в двух других странах. Вполне вероятно, что низкий показатель связан (среди прочих факторов) и с тем, что белорусы меньше, чем украинцы и россияне, отмечали свободу своих решений на рабочем месте: показатель 5,8 при стандартном отклонении 2,3 можно считать средним, тогда как российские и украинские показатели свободы решений выше, но при более высоком среднестатистическом отклонении. Принимая во внимание объективные данные о господстве в Беларуси авторитарных методов управления (включая экономику), можно с уверенностью сказать, что показатели свободы принятия решений там ниже, а это, в свою очередь, снижает общую удовлетворенность трудом. По Инглхарту, это также можно трактовать как более медленный отход от традиционных ценностей материализма в стране. В то же время эти различия между тремя странами не отменяют вывода: общий ход ценностных трансформаций в сфере

труда происходит в одном направлении, лишь с некоторыми различиями в степени выраженности изменений.

Поэтому можно согласиться с выводом, сделанным на основе целостного анализа данных двух волн исследования ценностей в ряде постсоветских стран: «Страны новой Восточной Европы (т.е. Восточной Европы кроме новых стран — членов Европейского союза) демонстрируют сходный ценностный паттерн как в 1990-е годы, так и в 2008 году»: ценности самовыражения и индивидуализма выросли в этих странах незначительно (Muradyan, Shirokanova, Matosyan 2012).

Таким образом, когда исследователи отмечают рост различий в постсоветских России, Беларуси, Украине, это касается не различий в оценке ценности труда (она везде снизилась); различия характеризуют политические ориентации элит. Так, вывод украинского социолога О.Д. Куценко по поводу общих и особенных характеристик постсоветского развития Украины и России состоит в утверждении своеобразия каждой страны, «в расхождении траекторий их постсоветского развития», поэтому навязывать им общую схему развития неправомерно (Куценко 2006: 44). В XXI веке Россия и Украина вошли в «продвинутую фазу развития», на которой в России развернулся активный процесс консолидации правящих элит и общества, мобилизация национально-имперского самосознания, а в Украине с середины 2000-х — «взрыв» гражданской идентичности, развитие более либерального политического режима (Куценко 2006: 57)

Что касается Беларуси, то социологи, участвующие в сравнительных международных исследованиях постсоветской трансформации, делают неоднозначные выводы о направленности развития страны, поскольку белорусское общество демонстрирует высокий уровень ситуативности, неопределенности и противоречивости. Так, например, некоторые авторы констатируют: «Противоречивая картина сопряжения различных социальных ценностей и ориентаций, характерная для белорусского населения, относится к большинству основополагающих моментов социокультурных процессов в современной Беларуси» (Зеленков, Ротман, Херпфер 2013). В частности, эта неоднозначность имеет место в выборе типа экономического развития и доминирующих форм собственности в Беларуси, а также в определении приоритетных целей внешней политики и гармонизация отношений с соседними странами. На основе полученных данных белорусские социологи обосновали два возможных сценария будущего развития Беларуси: эволюционный и либеральный. Почти два десятилетия страна раз-

вивалась по первому сценарию (модель «тактической модернизации» существующей социально-экономической системы с целью не допустить в ней принципиальных дисфункций). Именно по ней страна функционировала почти все первое десятилетие XXI века, вплоть до кризиса 2011 года. Реализация данной модели, по сути, привела Беларусь в тупик и к настоящему времени полностью исчерпала себя. Второй сценарий предполагал ориентацию на ценности и цели рыночно-либеральной модели развития, включая и сферу труда. Именно такая модель ориентировала бы Беларусь на ценности постиндустриализма, как утверждают авторы. Парадокс в том, что оба пути развития называются белорусскими авторами постиндустриальными, что мешает гражданам понять, на какие ценности ориентировано белорусское общество и какими нормами надо руководствоваться при выборе и реализации жизненных стратегий.

Проблема, однако, в том, что состояние неопределенности и балансирования между полюсами долгое время имело место и в Украине (Шульга 2011). Такое балансирование всегда неустойчиво и обречено рано или поздно на разрушение, если оно не поддержано внутренними консолидирующими импульсами и не имеет помощи извне. Развитие событий в Украине зимой-весной 2014 года тому подтверждение: страна оказалась расколотой политически, тогда как экономически она приближается, по данным украинских опросов, к коллапсу¹¹.

Экономическое развитие России представляется более определенным благодаря ее огромным материальным ресурсам. В то же время, несмотря на советскую политическую униформность в недавнем историческом прошлом, сегодня эти три страны оцениваются западными учеными и политиками чуть ли не как принадлежащие разным цивилизациям, особенно ввиду нынешнего политического кризиса.

На наш взгляд, судя по изменениям в сфере труда, интерпретируемым в рамках теорий модернизации, преждевременно делать столь категорические выводы. Эти государства объединяют общая «постсоветская» экономическая ситуация, в которой они ищут свой путь, дают свои ответы на «вызовы времени», имея исторические «шансы», обусловленные наличной исторической ситуацией, а также прошлым каждой страны. Очевидно, постсоветская реальность обуславливает множественность путей дальнейшего социального развития и требует проработки концептуального аппарата.

¹¹ См.: <http://zn.ua/Ukraine>

Значимость ценности труда у разных поколений белорусов

На эмпирической базе уже рассматривавшихся выше исследований EVS/WVS¹², проводимых в Беларуси и России, как и многих других странах мира, продемонстрируем общее и особенное в ценностных ориентациях молодого поколения каждой страны. При этом сфокусируем внимание на той значимости, которую имеет труд у молодого поколения.

Покажем, насколько ценности белорусской молодежи отличаются от ценностей белорусского населения в целом, и означает ли такое различие рост индивидуализации ценностей молодежи по сравнению с другими группами населения.

Проанализируем отдельно динамику изменения ценностей белорусского населения старше 30 лет и молодежи в постсоветские годы, опираясь на социокультурный подход. Для этого сравним доминирующие ценности в годы, предшествовавшие трансформации, и непосредственно в период трансформации. В рамках WVS/EVS это были опросы 1990, 1999 и 2008 года. Респондентам задавался ключевой вопрос: «Пожалуйста, ответьте, насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни: работа, семья, друзья знакомые, досуг, политика, религия?» Ответ «очень важно» интерпретировался как подтверждение, что эти институты представляют для респондентов важнейшую ценность.

Таблица 3 содержит данные EVS/WVS по системам ценностей, характерным для населения Беларуси старше 30 лет, таблицы 4–5 — для молодежи Беларуси и России в 1990–2008 годы. Приведены ответы тех, кто ответил, что выделенные ценности для них «очень важны».

Таблица 3

Ценности белорусского населения в 1990, 1999 и 2008 годах
по данным EVS/WVS, %

Ценности	1990	1999	2008, EVS
Семья	76	79	82
Работа	54	49	53
Друзья	36	27	33
Досуг	35	25	25
Политика	14	6	6
Религия	11	12	14

¹² См. www.wvsevsdb.com

Таблица 4

Ценности белорусской молодежи в 1990, 1999 и 2008 годах
по данным EVS/WVS, %

Ценности	1990	1999	2008
Семья	70	77	79
Работа	36	49	54
Друзья	43	41	43
Досуг	36	35	30
Политика	7	3	7
Религия	6	6	9

Таблица 5

Ценности российской молодежи в 1990, 1999 и 2008 годах
по данным EVS/WVS, %

Ценности	1990	1999	2008
Семья	73	80	79
Работа	34	47	53
Друзья	37	35	48
Досуг	34	31	52
Политика	6	3	5
Религия	7	9	11

* Процент подсчитан от числа ответивших «очень важно» из всех ответивших на каждый вопрос (valid percent). Расчет произведен по: EVS (2011), WVS (2008).

Как видно из таблиц 3–4, в 1990 году иерархия ценностей белорусской молодежи не совпала с иерархией ценностей остального населения Беларуси: если у последних работа сохранила второе место, то у молодежи второе место заняли друзья, а работа разделила 3–4 позиции (наряду с ценностью досуга). Разница между этими группами проявилась также в том, что у молодежи разрыв между первой и второй по значимости позицией оказался равен 27%, а между второй и третьей — всего 7%, тогда как у остального населения разрыв между первой, второй и третьей по значимости позициями составлял везде около 20%. Практически это означало, что накануне развала СССР ценность работы у белорусской молодежи упала намного ниже, чем у более старших поколений. Что касается политики и религии, значимость этих

ценностей у обеих групп оказалась низкой, что позволяет заключить, что эти ценности являлись для них периферийными.

В 1999 году иерархия ценностей населения Беларуси полностью сохранилась, она стала еще более четкой: разрыв между первыми двумя ценностями составлял 30%, а между второй и третьей — более 20%.

Что касается ценностей молодежи, то уже в 1999 году произошел существенный сдвиг в отношении ценности работы: она выросла на 13% и вышла на второе место. Можно сказать, что к этому времени молодежь вновь признала фундаментальность труда в своей жизни. В этом исследовании у более взрослого и молодого населения ценность труда была одинаковой. Что касается остальных ценностей, то, за исключением некоторого роста ценности семьи, существенных изменений не отмечено. В 2008 году произошло дальнейшее закрепление указанных тенденций: опять (хотя и незначительно) выросла значимость семьи и труда. Поскольку постсоветское общество к этому времени стабилизировалось, оценки населением уровня своей социальной безопасности, гарантий, ориентации на материальное благосостояние были устойчиво высокими.

Сравнение ценностных ориентаций молодежи Беларуси и России (табл. 4–5) показывает, что динамика их изменения почти сходна, за исключением оценки друзей (белорусы постоянно оценивали их как очень важные на уровне 41–43%, россияне в 1990 и 1999 годах — на порядок ниже, а в 2008 году — близко к 50%) и досуга (у белорусов высокую важность досуга постоянно признавало около трети молодежи, у россиян в 2008 году эта цифра превысила 50%, что, вероятно, отразило рост уровня их жизни и особенно доходов, позволяющих больше тратить в свободное время и проводить его разнообразнее).

Интерес представляет оценка белорусской и российской молодежью значимости различных аспектов трудовой деятельности. В исследовании был задан вопрос, насколько важным или неважным являются для респондента такие аспекты труда (работы), как зарплата, общественная значимость, соответствие интересам респондента и т.п. Таблица 6 дает представление об общих ориентациях молодежи обеих стран (в опросах участвовали молодые люди 18–29 лет, 62% опрошенных белорусов и 64% россиян на момент исследования работали).

Таблица 6

Что из перечисленного важно для Вас в работе?
(множественный ответ), %

Характеристики работы	18–29 лет Беларусь	18–29 лет Россия
Высокая зарплата	96	97
Хороший коллектив	79	73
Отсутствие жесткого контроля	34	39
Гарантия не потерять работу	53	68
Удобный режим работы	65	50
Возможность проявить инициативу	47	48
Полезная работа для общества	33	22
Большой отпуск	45	49
Общение с людьми	50	42
Работа, где можно достичь чего-то	62	67
Ответственная работа	32	38
Интересная работа	80	78
Работа, соответствующая способностям	58	60
Приобретение новых навыков	45	58
Работа не ущемляет интересы семьи	55	43
Право голоса при принятии важных решений	41	44
Равное отношение ко всем на рабочем месте	55	53
Нет предпочтений	0	1

Источник: <http://zacat.gesis.org/webview/>

Три высших рейтинговых места у молодежи обеих стран заняли: высокая зарплата, интересная работа, хороший коллектив. Только первый мотив является явно рыночным, два другие были популярны и у советской молодежи. Главное отличие от той эпохи состоит в низкой оценке общественной пользы работы и нежелании принять ответственность за ее выполнение. Оба мотива нельзя отнести к чисто рыночным: рынку тоже нужны ответственные работники. Можно предположить, что в массе у молодежи пока не сформировались качества, которые нужны для успеха и продвижения в рынке.

Сравнительный анализ трех замеров (1990, 1999, 2008) базовых ценностей молодежи Беларуси показывает, что за неполные двадцать лет в иерархии ее ценностей произошли существенные изменения именно в отношении труда: ценностная ориентация на труд выросла на 18%. Разрыв значимости между ориентацией на первые две сферы

(семья и работа) достигает 25%, тогда как разрыв значимости между второй, третьей и четвертой сферой составляет лишь около 10%. Наконец, у молодежи практически не выросла ценность политики и религии, несмотря на то что в Беларуси имеет место общий рост постсоветской религиозности населения (Титаренко 2013; 93). Значимость ценности семьи осталась абсолютно доминирующей как у всего населения, так и у молодежи, несмотря на то что на практике в Беларуси широко распространено сожителство без вступления в официальный брак, то есть брак как традиционный институт трансформировался. Значимость друзей прочно сохраняет у молодежи третье место в иерархии ценностей: она не изменилась за прошедшие годы постсоветской трансформации вообще. Значимость досуга также изменилась мало, однако лишь три из десяти молодых белорусов определяют ее как очень важную, что свидетельствует о том, что эта постматериалистическая, по классификации Инглхарта и Вельцеля (Инглхарт, Вельцель 2011: 77), ценность сильно отстает от значимости традиционных для молодежи базовых ценностей семьи, работы, друзей, занимающих первые три места в иерархии ценностей.

В целом, по данным 2008 года, можно заметить, что в ценностном сознании современной белорусской молодежи имеют место некоторые тенденции, свидетельствующие о том, что у молодых людей наблюдается разрыв между теми ценностями, которые они декларируют, и жизненными ориентациями, проявляемыми в поведении. Также наблюдается значимая разница между уровнями индивидуализма молодежи и более старшего населения Беларуси: первый значительно превышает второй. Этот факт говорит о росте индивидуализма постсоветского поколения, что соответствует общим тенденциям изменения молодежных ценностей в современную эпоху глобализации (Bauman 2008). Вполне естественно, что Беларусь и другие постсоветские страны не глобализируются так же стремительно, как страны Запада, но общее направление этих ценностных изменений совпадает. Как утверждают Инглхарт и Вельцель (Инглхарт, Вельцель 2011: 10) ценности эволюционируют в мире в предсказуемом направлении под влиянием социально-экономических перемен и «изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод, и совершенствованию государственного управления». Таким образом, у Беларуси и России есть хорошие перспективы будущего развития.

Исследование профессиональных стратегий выхода на рынок труда белорусской молодежи (кейс-стади)

Остановимся теперь на исследовании профессиональных стратегий выхода на рынок труда выпускников вузов Беларуси как наиболее перспективной группы молодежи, выходящей на рынок труда. Поскольку речь идет о профессионалах, именно от них в значительной мере будет зависеть будущее страны.

Предварительно отметим, что в постсоветском обществе — будь то российское или белорусское — существует устойчивая мотивация на получение молодежью высшего образования. В Беларуси картина аналогичная. Более того, в последние годы число молодых людей, принятых в вузы на разные формы образования, превысило число выпускников школ указанных лет (Доступность... 2004).

Целью нашего эмпирического исследования было выявление сформированных профессиональных стратегий выпускников вузов на рынке труда. В частности, предполагалось выявить основные профессиональные стратегии на будущее место трудоустройства и дать характеристику каждой стратегии с учетом других ценностных ориентаций выпускников и их социально-демографических данных.

В качестве базы проведения исследования был выбран БГУ (Белорусский государственный университет) — старейший университет в стране. БГУ был также выбран как вуз, который является одним из самых престижных в Беларуси: это вуз, который имеет самый высокий официально рассчитанный рейтинг в Беларуси и один из самых высоких в СНГ (Рейтинги 2005; Абрамейко 2013). Высокий рейтинг БГУ, особенно его наиболее престижных факультетов (юридического, факультета международных отношений и др.), означает, в частности, что сюда поступают наиболее подготовленные абитуриенты, которые проходят сквозь сито «отбора», которое можно условно назвать конкурентным звеном на начальной стадии вхождения в профессию.

В то же время, поскольку это классический университет, многие выпускники не чувствуют рыночной востребованности своих профессий (например, таких как школьный учитель истории, языка и литературы) и потому не имеют высокой мотивации на учебу и будущую профессиональную деятельность.

Исследование профессиональных стратегий выхода на рынок труда выпускников БГУ проводилось в 2011–2012 годах кафедрой социологии БГУ под научным руководством автора данной статьи.

Материалы исследования хранятся в архиве кафедры социологии БГУ. Объектом исследования стали выпускники всех факультетов БГУ, которые опрашивались как в аудиториях, так и в общежитии. Генеральная совокупность выпускников 2012 года составила 3056 человек, выборочная (конструировалась методом расслоенного систематического отбора) — 935 человек, в которой были пропорционально представлены факультеты разной направленности и студенты платной и бюджетной форм обучения. При сборе информации использовался метод раздаточного анкетирования. Опрос проходил осенью 2011 — зимой 2012 года.

В исследовании ставились задачи выявить мотивы получения высшего образования или определить «тип потребления образовательных услуг» (рыночные, личностные, престижно-формальные или неопределенные), ориентации на будущее трудоустройство (работа по специальности, по смежной специальности, не по специальности), целевые установки на работу по специальности (зарплата, интерес, стабильность, интересы семьи, общественная полезность). Студенты самостоятельно выявляли свою позицию (значимость того или иного аспекта) на шкале от 0 до 6, где ноль означал безразличие студента либо его нежелание отвечать, 1 — минимальную значимость для респондента, а 6 — максимальную значимость. При агрегировании показателей были определены три группы: с высоким уровнем ориентации (на рынок, другой тип деятельности), средней и минимальной.

Например, по типу потребления студентами образовательных услуг оказалось, что две главные ценности — значимость высокой оплаты труда и значимость для выпускника интересной работы. Рисунок 1 наглядно демонстрирует результаты.

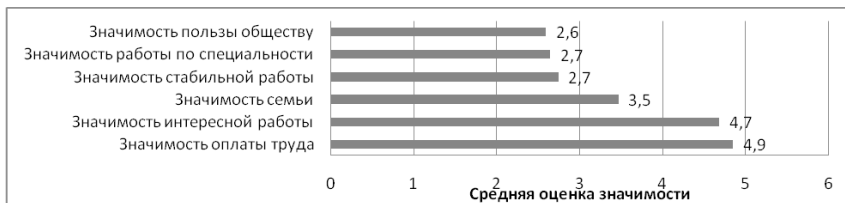

Рис. 1. Средние оценки значимости разных ориентаций на труд выпускников БГУ

Как видно из рисунка, первые два места получили те же самые мотивы значимости труда, которые были выявлены в общенациональном опросе белорусского населения в рамках международных исследований EVS (2008) и относились ко всей молодежи Беларуси, независимо от уровня ее образования (см. табл. 6). На этом основании мы можем заключить, что вся белорусская (да и российская тоже) молодежь в трудовой сфере ориентируется на занятость трудом с высокой оплатой и интересным содержанием. Если считать, что средние оценки значимости интересной работы и оплаты труда являются высокими, тогда оценку значимости интересов семьи при выборе стратегий на рынке труда можно назвать средней, а остальные параметры (значимость общественной пользы труда, значимость работы по полученной специальности, а также стабильной работы) получили низкую оценку.

Среди мотивов получения высшего образования первое место занял личностный (образование как основа личностного развития — 37%), второе — чисто прагматичный, связанный с массовизацией образования (получить диплом о высшем образовании — 28%). Самый важный, на наш взгляд, мотив получения высшего образования — получение востребованной в обществе специальности — указали лишь 18%, то есть менее пятой части выпускников. Вполне возможно, что при поступлении в вуз реальные мотивы были несколько иными и что выпускники (при отборе первой позиции) руководствовались социально одобряемым вариантом ответа. Однако остается фактом, что ко времени выхода на рынок труда лишь немногие выпускники осознают важность полученной профессии, возможности трудоустройства в соответствии с профилем образования.

Комбинация выявленных ориентаций позволила сконструировать и затем эмпирически подтвердить наличие у выпускников двух основных типов рациональных ориентаций (стратегий) выхода на рынок труда: рыночный (13% выпускников) и нерыночный (87%). В рамках нерыночной стратегии также были выделены подтипы (академический, формалистский, неопределенный). Оба типа являются рациональными, в их основе лежат разные ценности, выбираемые, как правило, сознательно. В случае рыночно-рационального типа главными ценностными ориентациями являются следующие:

- высокая оплата труда,
- личный интерес к работе,
- соответствие работы специальности,

— осознание рыночной востребованности своей специальности (вырабатывается только в процессе обучения в вузе).

Итак, носитель рыночной профессиональной стратегии хорошо осознает востребованность своей специальности на рынке труда, самостоятельно и заранее ищет возможности своего будущего трудоустройства на высокооплачиваемую работу по специальности. Главным фактором выбора места работы является ее высокая оплата, а само получение высшего образования рассматривается именно как средство доступа к такой работе. Такие выпускники хорошо понимают, что им нужен опыт работы по специальности, поэтому они уже с 3–4-го курса работают на такой работе (меняя места занятости, если есть возможность найти лучшее). Большинство таких выпускников учатся на факультетах естественно-научного профиля. Они не являются отличниками, так как не нацелены на академическое будущее: они тщательно изучают те дисциплины, которые, по их мнению, могут принести им пользу, то есть адекватные рыночные знания. В целом это активные молодые люди, чаще выходцы из города, неженатые, мечтающие о карьере и не размышляющие о вечных истинах, общественной пользе труда и т.п.

Есть объективное препятствие на пути свободного выбора студентами трудовой стратегии — государственная система распределения. Нынешние белорусские студенты — молодые люди, в основном «обреченные» нынешним Кодексом о высшем образовании Республики Беларусь на отработку обязательных двух лет по месту первого распределения. Обычно такие места не предполагают большую зарплату, так как это госсектор. Поэтому в материальном отношении выпускники вузов, в большинстве, работая на таком рабочем месте, будут чувствовать себя маргиналами на рынке труда, не имеющими шансов на изменение ситуации в первые годы трудовой деятельности. Свободное распределение возможно только для студентов, обучавшихся на платной основе. Поэтому к концу учебы некоторые студенты переводятся на заочное отделение, чтобы избежать распределения и связанных с ним материальных проблем. Это упреждающая стратегия выхода на рынок труда с обходом обязательного распределения. Те, кто ее используют, вместо маргинального (по заработку) трудоустройства получают шанс сразу войти в рынок труда, заняв в нем вполне приемлемое (по крайней мере, с точки зрения выпускника) место. Можно сказать, что такие выпускники используют данную (старую, известную с советских времен) стратегию в чисто рыночных целях — не теряя двух лет, устроиться на «приличную работу».

Видимо, концепция труда, имеющаяся (хотя бы подспудно, бессознательно) у этой части выпускников, соответствует рыночной ориентации. Более того, чтобы найти такое «приличное место» трудоустройства, эти молодые люди, как правило, уже в студенческие годы приступают к работе, так что к концу вузовского обучения могут сменить несколько мест и найти то, которое им больше нравится (по доходу и другим критериям) и куда их готовы принять.

Судя по исследованию, практически большинство выпускников имеют опыт трудовой деятельности ко времени окончания вуза. Однако наибольшее число студентов, работающих по специальности, среди выпускников с рыночной стратегией, тогда как студенты с другими стратегиями могут работать на любой работе или вообще не работать.

Большинство выпускников без определенных стратегий на рынке труда (а таких оказалось две трети всех опрошенных) — студенты гуманитарных факультетов, часто не интересующиеся своей специальностью или разочарованные в ней. Данный факт подтверждает, что именно на такие факультеты чаще поступают те молодые люди, кому просто нужен диплом о высшем образовании, или те, кто с помощью диплома хочет остаться жить в большом городе (в данном случае — в столице), а призвания к определенному виду трудовой деятельности или интереса к выбору профессии, высоко ориентированной на рынок, у них нет. Вряд ли можно рассчитывать на то, что такие выпускники способны проявлять инновационные качества в своей будущей работе, какой бы она ни была. Массовизация высшего образования сделала для них диплом о высшем образовании доступным, но уровень экономического развития общества не обеспечил им работы

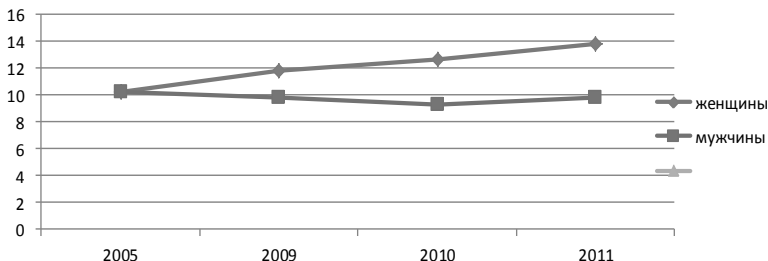

Рис. 2. Численность зарегистрированных безработных, окончивших вуз

по специальности, которая отвечала бы их современным (высоким, как правило) потребительским запросам. Да и сам белорусский рынок труда не нуждается в таком большом количестве специалистов-гуманитариев, какие выходят из стен вузов: рынку нужны инженеры, технические специалисты, а они в дефиците.

Таким образом, массовизация высшего образования внесла свой вклад в рост женской безработицы среди лиц, получивших диплом о высшем образовании гуманитарного профиля. Как правило, это на 80–90% девушки. Поэтому, согласно официальной статистике, среди лиц со статусом безработных, получивших высшее образование, в 2011 году было 14,4% женщин и 8,8% мужчин (рис. 2). За период времени с 2005 по 2012 год количество безработных женщин, имеющих высшее образование, выросло, а мужчин — осталось прежним (Женщины... 2013: 108). До сих пор сохраняется ощутимый гендерный разрыв в оплате: согласно статистике, средняя заработная плата белорусских женщин в 2012 году составляла 75% от средней заработной платы мужчин, несмотря на то что женщины Беларуси являются более образованными, чем мужчины (Женщины... 2013: 108).

Можно выстроить следующую цепочку взаимосвязанных проблем образования и рынка труда: выпускники, у которых не было опыта работы по специальности, не могут сами найти себе место на рынке в соответствии с полученной квалификацией. В лучшем случае они будут работать в госсекторе на малооплачиваемой работе, а после двух лет отработки будут искать любую работу с более высокой оплатой. Однако в ряде случаев они будут вынуждены соглашаться и на работу с более низкой оплатой труда. Такая перспектива реальна в том случае, когда выпускник — женщина с гуманитарным дипломом. Ехать на периферию, чтобы работать по специальности за невысокую зарплату они не хотят, поэтому готовы на любую работу в столице. Исследование выявило, что из выпускников — выходцев из сельской местности — готов вернуться в село лишь один из десяти. Остальные хотят остаться в Минске на любой работе. Вуз становится средством перемещения из села в город, а не средством получения качественного образования, востребованного на рынке.

Сегодня в белорусском обществе бытует мнение, что работа не по специальности — это нормальное явление. Однако на самом деле за этим стоят большие социально-экономические проблемы, впус-тую растроченные ресурсы общества. Исследователи отмечают, что за работой не по специальности «скрывается не только формальное

несоответствие между записью о квалификации в дипломе и реальным характером и содержанием труда» (Кочетов 2011: 85).

Таким образом, выявляются проблемы депрофессионализации кадров с высшей квалификацией, несоответствие заработной платы уровню полученного образования. Этот известный с более ранних периодов времени феномен объясняется тем, что экономика не может абсорбировать возрастающее количество специалистов с высшим образованием из-за рассогласования системы образования и рынка труда. Когда и кто может осуществить такое согласование, остается открытым вопросом. Коммерциализация высшего образования и его доступность (массовизация) не способствуют решению данной проблемы.

Очевидно, что решение выявленных в исследовании проблем согласованности системы высшего образования потребностям рынка труда, формирование рыночной стратегии выпускников вузов на рынке труда, как и выбор стратегий развития рынка труда в целом, его соответствия вызовам современности остаются среди важнейших проблем современного общества. Социологи труда могут внести в их решение свой вклад, хотя их решение зависит от государственной политики.

Источники

- Абламейко С. В.* Авторитет БГУ среди вузов мира с каждым годом растет. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/inworld/belorussia/society/16262113/?frommail=1> (дата обращения 25.12.2013).
- Беларусь в цифрах. Статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2013. М [Электронный ресурс]. URL: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation (дата обращения: 02.04.2013).
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин; Независимый институт социальной политики. М., 2004. 500 с.
- Женщины и мужчины Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2013. 214 с.
- Занятость населения по образованию. Данные переписи 2009 г. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation (дата обращения: 02.04.2013).

- Заславская Т., Ядов В. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
- Зеленков А., Ротман Д., Херпфер Х. Качество жизни как приоритет социальной модернизации трансформирующихся обществ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/376713.pdf> (дата обращения: 01.07.2013).
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Кочетов А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 82–90.
- Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1995. 309 с.
- Куропятник И.И. Управление трудовыми ресурсами: социально-экономический аспект. Минск: ФУ Аинформ, 2002. 61 с.
- Куценко О.Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир России. 2006. № 3. С. 43–61.
- Лапин Н.И. Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 78–85.
- Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 3–18.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
- Образование в Республике Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 01.12.2013).
- Проблемы развития рыночной экономики / под ред. В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. 280 с.
- Рейтинги в высшем образовании. Специальный выпуск // Высшее образование в Европе. Русская версия. 2005. № 2.
- Россияне и китайцы в эпоху перемен: сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012. 452 с.
- Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы / Г.Н. Соколова и др.; под ред. Г.Н. Соколовой. Минск: Тэхналогія, 1998. 230 с.
- Социальные сети в системе трудовых отношений / под ред. Г.Н. Соколовой. Минск: Право и экономика, 2008. 135 с.
- Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск: Университетское изд-во, 2004. 205с.
- Титаренко Л.Г. Социальная ответственность и христианские ценности: Беларусь в европейском контексте // Кафоликия: сборник материалов конфе-

ренции, посвященных межконфессиональному диалогу. Минск: 4 четверти, 2013. С. 93–98.

Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/ (дата обращения: 02.04.2013).

Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д.Г. Ротман [и др.]. Минск: БГУ, 2009. 231 с.

Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А.Г. Здравомыслова и др. М.: Мысль, 1967. 392 с.

Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. 4-е изд. М.: ЦСПиМ, 2010. 608 с.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: Бізнесполіграф, 2011. 448 с.

Яницкий О.Н. Россия: риски и опасности «переходного общества». М.: Институт социологии РАН, 1998. 237с.

Bauman Z. New performance of the old vs. young drama. Barcelona: Generalitat de Catalunya, 2008. 58 p.

Inglehart R., Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 440 p.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

Muradyan O., Shirokanova A., Matosyan T. Value change in New Eastern Europe // European Visions and Divisions [Electronic resource]. URL://http://evd-reset.org/data/upload/FinalLectures/Value_Changes_in_NEE.pdf. (Date of access: 01.02.2012).

www.europeanvaluesstudy.eu; www.wvsevdb.com